

Сяо Юань попытался улыбнуться, но его глаза защипало, а во рту было горько. Он поджал губы и перевел дыхание, медленно сказал:

- Если... если Янь-гэ проснётся, и обо мне ещё не будет никаких вестей...

- Доктор Сяо?!

- Если не будет никаких известий о том, что я жив, ты должен написать для меня письмо. Янь-гэ не знает мой почерк, так что не беспокойся об этом. Что касается содержания ... - Сяо Юань на мгновение замолчал. Рука, переплетенная с пальцами Янь Хэцина, слегка сжалась, а губы начали дрожать:

- Скажи ему в письме, что я ушел, и что он мне не нравится. Что я хотел быть с ним только потому, что рассчитывал наслаждаться славой и богатством без каких-либо забот. Но теперь, когда моя личность раскрыта, я обнаружил, что находиться рядом с ним небезопасно, поэтому я решил оставить его. Ты должен заставить его понять, что я не хочу, чтобы он искал меня, что он все-таки мужчина. Скажи ему: Ты говорил, что будешь искать меня по всему миру, даже если придется копать на три фута под землей, но мир так велик, и в нем так много путей, где он собирается копать эти три фута?

Чэнь Гэ задыхался от всхлипываний:

- Доктор Сяо, неужели всё должно быть именно так? Его величество... он... он...

Сяо Юань вытер лицо и продолжил:

- Ты должен писать решительно, не оставляйте ему ни одной мысли для сомнения. Лучше покажи ему мое отвращение, скажи, что я не позволю ему найти меня снова. Пусть он идет своей дорогой Яньгуань, а я пойду по собственному дощатому мосту². Скажи ему, что без него я определенно буду жить более счастливой жизнью. Говорят, что Императорская семья самая безжалостная и бессердечная, а я всегда мечтал вести праздную жизнь, но он Император. Я просто хочу прожить свою жизнь, не закливаясь на этих вопросах. Чэнь Гэ, пожалуйста, напиши все эти слова в письме и передай ему, чтобы он перестал думать обо мне.

Чэнь Гэ ударил кулаком по каменной стене, разбив руки в кровь. После этого ему удалось успокоиться:

- Доктор Сяо, я.... Я понял.

Сяо Юань кивнул. Он обхватил лицо Янь Хэцина ладонями и поцеловал его в холодные губы. Слезы текли по его щекам, он слизнул их кончиком языка и почувствовал горький и вяжущий вкус.

- Я ухожу - Вдалеке слышался слабый звук лошадиных копыт. Сяо Юань не стал медлить. Он поспешно встал и побежал ко входу в пещеру.

Один шаг, два шага, три шага. Бег Сяо Юаня замедлялся с каждым шагом. Он стоял у входа и смотрел наружу. Сгущались сумерки, луна ярко светила, а звезды были редкими. На степь выпал иней. Сяо Юань сделал шаг вперед и холодный ветер пронёсся мимо, заставив почувствовать одиночество и холод.

Внезапно у Сяо Юаня хлынули слёзы. Он будто снова наяву видел тот день, на пыльной дороге, когда Янь Хэцин гнался за ним верхом только для того, чтобы сказать:

- Я не забуду, я определенно никогда не забуду.

Из восьми страданий жизни³, невозможности достичь и неспособности отпустить, почему я должен быть ими для Янь Хэцина ... почему?

Сяо Юань яростно вытер слёзы и, внезапно развернувшись, побежал обратно. Он крепко схватил за плечи изумлённого Чэнь Гэ.

- Забудь обо всем, что я только что сказал! Когда Янь-гэ проснется, скажи ему, что он нравится мне, Сяо Юаню! Я люблю его! Я даже не знаю, когда зародилось это чувство, но пока я с ним, я чувствую себя счастливым. Я хочу быть рядом с ним; куда бы он не пошёл, я пойду с ним. Я не боюсь безжалостной Императорской Семьи и не боюсь глубокого Дворца, похожего на клетку. Пока он рядом, пока он со мной ...

Последние слова превратились в сдавленные рыдания. Сяо Юань, воспользовавшись тем, что Чэнь Гэ еще не пришел в себя, развернулся и бросился вон из пещеры.

Это было похоже на драму о радости и печали, разлуке и встрече. В конце зрители разошлись, сцена осталась одинокой, но актеры на сцене без усталости продолжали играть свои роли и рассказывать свои истории, размахивая рукавами, они пели:

«Я был удивлён, что моя любовь не проявилась, но оказалось, что тоска уже глубоко укоренилась в моих костях. Я не знаю, где начались эти чувства, но они уже глубоко во мне»¹

Эта песня была такой протяжной и непрекращающейся, но к сожалению, никто не слушал. Никто не знал. Никто не понимал.

1. Из пьесы 卞昆冈 (Пионовая беседка), (卞昆冈) Тан Сяньцзу.

3. У каждого свой путь, чтобы идти, не мешая друг другу, у каждого свое место / Разные пути, не ищите друг друга.

3. Буддийский термин. Восемь жизненных страданий: рождение, старость, болезнь, смерть, расставание с любимыми людьми, ненависть и горечь, недостижимым целям и пять инь.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/13725/1214079>